

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

М.М. Соколов, Н.А. Соколова, М.А. Сафонова

СТАТУСНЫЕ КУЛЬТУРЫ, БИОГРАФИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ И ПОКОЛЕНЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛИТЕРАТУРНЫХ ВКУСАХ ЧИТАТЕЛЕЙ ПЕТЕРБУРГСКИХ БИБЛИОТЕК

В статье анализируется база данных, покрывающая всех читателей, пользовавшихся абонементом Санкт-Петербургской городской сети библиотек в 2014 г. База позволяет соотнести параметры читателей (пол, возраст, образование, тип занятости) с тем, какие книги они выбирают. В этой статье мы анализируем пространство художественных вкусов на примере 200 наиболее популярных авторов. Данные позволяют получить частичное подтверждение «тезису гомологии» Бурдьё: существуют системы вкусов, значимо коррелирующие с формальным уровнем образования, и произведения могут быть расположены в иерархии в зависимости от того, каков средний образовательный уровень и характер занятости (физический-нефизический труд) их читателей, с Фаулзом наверху и «мужским» и «женским» детективами и «фантастическим боевиком» внизу. При этом эффекты статусной культуры накладываются на эффекты генерации (фантастика заменяет детективы в младших поколениях), гендера (оппозиция мужского и женского прослеживается в низкостатусной, но не в высокостатусной литературе) и биографического цикла. Специфика чтения меняется с возрастом, от детской литературы (также поляризованной по статусным основа-

Соколов Михаил Михайлович — кандидат социологических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, Факультет политических наук и социологии (msokolov@eu.spb.ru)

Mikhail Sokolov — Professor, Department of political science and sociology, European university at Saint Petersburg, (msokolov@eu.spb.ru)

Соколова Надежда Александровна — магистрант Европейского университета в Санкт-Петербурге, Факультет политических наук и социологии (nsokolova@eu.spb.ru)

Nadezhda Sokolova — MA student, Department of political science and sociology, European university at Saint Petersburg (nsokolova@eu.spb.ru)

Сафонова Мария Андреевна — кандидат социологических наук, доцент, департамент социологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург) (msafonova@hse.ru)

Maria Safonova — Associate Professor, Department of Sociology, National Research University Higher School of Economics (msafonova@hse.ru)

ниям) через школьную программу к точке дивергенции во «взрослом» чтении. За счет использования библиотечных BigData мы можем увидеть проблематичность традиционной для социологии культурного потребления практики построения иерархии «жанров»: в отличие от поджанров, конвенциональные жанры слабо поляризуют культурное потребление.

Ключевые слова: социология искусства, социология культуры, социология культурного потребления, культурный капитал, Бурдьё, Big Data в социальных науках.

Отправной точкой большей части существующей сегодня социологии культурного потребления является наличие устойчивых корреляций между принадлежностью к каким-то социальным категориям и художественными вкусами. Самой исследованной темой здесь остается предполагаемая связь между классом и вкусом, которая была центральной для одной из самых влиятельных социологических книг второй половины XX в. (Bourdieu 1984). В «Различении» Бурдьё утверждает существование гомологии между социальной иерархией и иерархией художественных предпочтений. Рабочие слушают Азнавура, а высшая буржуазия — Малера и Стравинского. Это предпочтение позволяет буржуазии, с одной стороны, легитимировать свою собственную привилегированность (люди, которые демонстрируют утонченный вкус, и в остальных отношениях лучше прочих, поэтому только справедливо, если все лучшее в жизни достается им), с другой — ограничить доступ в свои социальные сети (знатокам Малера есть о чем поговорить с другими знатоками Малера, а знатокам шансона — с себе подобными, носители сходных вкусов притягиваются, вследствие чего культурное знание производит подспудную сортировку представителей разных сред). Представление о воспроизводстве через иерархию вкусов было революционным, по меркам 1970-х гг., тезисом, поскольку бросало вызов традиционным теориям массовой культуры (см., напр.: MacDonald 1953: 2953). Теории массовой культуры предполагали, что, благодаря засилью культуриндустрии, мы наблюдаем конвергенцию вкусов разных групп в недифференцированное целое. Бурдьё утверждал обратное: классовые различия во вкусах не исчезают и никакой недифференцированной массовой культуры не существует.

В свою очередь, тезис о гомологии стал предметом ожесточенной полемики в 1990-х гг., после того как группа американских социологов во главе с Ричардом Петерсоном обнаружила, что культурное потребление лучше описывается моделью «культурной всеядности», чем моделью гомологии — привилегированные группы потребляют больше *любого* искусства (Peterson 1992; Peterson, Kern 1996). Слушатели делятся не на тех, кто слушает Малера и презирает шансон, и тех, кто слушает шансон, а на тех, кто слушает только шансон, и тех, кто слушает шансон, Малера, а заодно этническую музыку, григорианские хоралы и рэп. Последний паттерн вкусов как раз и выдает представителей высшего класса. Элиты характеризуются широтой и разнообразием вкусов и потребления, а не тем, что они строго отвергают неэлитарную музыку. Тезис всеядности нашел широкое кросс-культурное подтверждение (Peterson 2005; Lopes-Sintaz,

Katz-Gerro 2005; Katz-Gerro 2011). Тем не менее, критики атаковали его с двух сторон. С одной стороны, возник тезис «ограниченной толерантности» Брайсон (Bryson 1996) — высшие классы могут назвать больше любимых ими жанров музыки, но вовсе не все жанры попадают в список их фаворитов. Если мы ранжируем жанры от высших к низшим по доле людей с университетским образованием среди их поклонников, мы обнаружим, что представители среднего и высшего класса обычно избегают тех жанров, которые пользуются самой широкой популярностью среди наименее образованных групп (например, кантри), предпочитая музыку, которая этим неэлитарным группам практически неизвестна. Хотя исходно выбираемая элитами музыка также может ассоциироваться с неэлитарными группами, в текущем контексте характер ее аудитории полностью изменяется (как, скажем, произошло с джазом и классическим рок-н-роллом сегодня (Savage, Gayo 2011))* . Видимое глазом проявление снобизма элит как будто исчезло — элиты слушают музыку, ассоциирующуюся с непривилегированными, даже подчиненными группами — но классовая граница сохраняется.

Другая линия критики тезиса всеядности строилась вокруг своеобразного синтеза идей Бурдьё и идеи массового общества, в котором ясные границы между жанрами и социальными категориями исчезают (Holt 1997; Holt 1998; Atkinson 2011; Lizardo, Skiles 2012). Дуглас Хольт и его сторонники утверждали, что жанры не маркируют больше социальных категорий, поскольку (а) жанры — слишком грубые группировки, которые не учитывают тонких различий между поджанрами (категория «детектив» в России будет включать Конан-Дойля, Чейза, Корецкого, Донцову и Умберто Эко); (б) имеет значение не то, что, а то, как потребляется. Способность к эстетическому восприятию малопригодного для этого объекта — например, в стиле «так плохо, что уже хорошо» (McCoу, Scarborough 2014) — является сигналом о принадлежности к элитарной культуре; наоборот, некавалифицированное одобрение широко растиражированных объектов высокой культуры («я люблю импрессионистов, только не могу ни одного вспомнить») может быть скорее компрометирующим (Rimmer 2012; Jarness 2015).

Бурная полемика вокруг отображения классового неравенства в культурном потреблении отчасти подавила интерес к другим измерениям пространства вкусов и к роли, которые играют иные атрибуты потребителей, такие, как нахождение на определенной фазе биографического цикла или принадлежность к поколению. Действительно, хотя во многих публикациях отмечалось, что поколения сильнее отличаются по своим вкусовым паттернам, чем классы (van Eijck 2001; Savage, Gayo 2011), мы находим в социологии культурного потребления лишь немногие попытки теоретизировать по поводу того, что отличает

* Часто такая трансмутация происходит в процессе пересечения культурных границ. Презируемые культурными элитами в стране своего появления, японские укие-э становятся на Западе образцом стиля и вдохновляют Ван Гога. Несколькими десятилетиями позже то же происходит с западными комиксами при движении на Восток. Мы увидим дальше несколько примеров облагораживающих эффектов культурной миграции.

вкусы старших от вкусов младших возрастных когорт (за исключением общих и малоинформативных сентенций о вкусовых изменениях «постмодерна»). Аналогична история возрастных траекторий. Хотя от случая к случаю делались наблюдения о том, что определенные изменения происходят в ходе биографического цикла, существует лишь немного попыток как-то систематизировать эти наблюдения (исключением являются работы голландско-бельгийской группы во главе с ван Ийком — van Eijck 2001; Roose, van Eijck, Lievens 2012). В целом в нашем распоряжении мало исследований процесса культивации культурности, и они обычно ограничиваются подсчетом родительских инвестиций и отдачи от них (Aschaffenburg, Maas 1997), хотя есть все основания полагать, что родительские усилия лишь отчасти и косвенно обуславливают исход культурной социализации.

Во многом этот недостаток внимания определяется доминирующим в последние десятилетия ощущением, что классовое неравенство есть настоящая проблема и для социологии, и для общества, в то время как биографические циклы в лучшем случае являются предметом чисто академического интереса. Кроме того, в данной области возможности исследователей были особенно ограничены методическими лимитами. Основными источниками данных традиционно являются репрезентативные анкетные опросы, которые, в силу их дороговизны, сильно ограничивают объем данных, которые можно получить от индивидуального респондента. Соответственно, предметами культурного потребления выступали или жанры (о которых легко спрашивать в силу их многочисленности), или отдельные объекты, но тут исследователям приходилось жестко ограничиваться теми объектами (авторами, музыкальными произведениями), которые, по их интуитивным ощущениям, могли бы дать наибольшую отдачу в дифференциации классовых групп (Savage, Gayo 2011) — что затрудняло вторичный анализ данных для изучения неклассовых измерений вариаций в художественных вкусах. Сосредоточенность на одной проблеме исключала возможность получения информации, которая проливала бы свет на другие.

В этой статье мы ставим перед собой две цели. Первая заключается в том, чтобы дать самое общее описание вариаций в выборах разных групп читателей в Петербурге, включая сюда гендерные, возрастные и образовательные категории (которые служат основным коррелятом статусных культур — см. далее), а также группы занятости. Во-вторых, эта статья носит характер методического эксперимента. Мы используем в качестве объекта анализа Big Data, генерируемые российской системой публичных библиотек и позволяющие проследить популярность отдельных книг у категорий читателей. Мы не ограничены, таким образом, ни фиксированным выбором исходных культурных объектов, ни жесткой группировкой по жанрам (и можем оценить валидность самой жанровой группировки). Мы пытаемся следовать при этом той стратегии анализа, которая ассоциируется с большими данными, и не используем сложные алгоритмы машинного научения для формирования прогнозов*. Сам по себе подход

* Авторы благодарны Катерине Губе как своему проводнику в мире Больших Данных (Manovich 2011; Kitchin 2014).

к анализу самый консервативный, но позволяющий, за счет этого, сохранить сопоставимость выводов с выводами исследований, в которых использовались аналогичные подходы.

Перед тем как перейти к описанию самих данных, необходимо сделать несколько замечаний о состоянии исследований культурного потребления в России. Здесь, как и во многих других отношениях, российский случай выглядит вопиюще недоизученным. В советский период имелось значительное количество исследований, совершенно бурдьевицских по постановке проблемы, задачей которых было оценить успехи предполагаемой конвергенции в культурном потреблении между интеллигенцией и рабочим классом*. Эти успехи, впрочем, оказывались в основном удручающе незначительными — культурное участие рабочих было ниже культурного участия интеллигенции, и в большей степени ограничено формами искусства, которые, с точки зрения самих исследователей, принадлежали к категории «массовых» и «низких» (Театр и публика 2013; Духовный мир... 1972). Как логическое продолжение этой озабоченности существовало некоторое количество масштабных исследований, посвященных культурной социализации, в особенности социализации рабочей молодежи, которые должны были указать путь для исправления ситуации (Духовный мир... 1972; Перов 1980). Основным недостатком этих данных является то, что, в силу ограничений, в которых существовала советская социология (Соколов 2011), практически никакие из них не были получены на репрезентативных выборках, которые охватывали бы какую-то генеральную совокупность. В лучшем случае, у нас есть выборки по профессиональным группам (например, молодые рабочие, студенты). Тем не менее, они, безусловно, заслуживают более внимательного отношения и вторичного анализа, чем получили до сих пор. Несмотря на популярность самого Бурдье, тема культурного потребления стала значительно менее популярной в постсоветский период: нам не известно ни одной работы,

* Официальный СССР относился к высокой культуре так, как будто бы он был обществом победившего бурдьевицизма, в котором «Различение» стало основанием для выработки культурной политики. С 1920-х гг. аккумуляция культурного капитала традиционными элитами и возможность создания классовых границ на его основе осознавались как реальная угроза. Однако, несмотря на призывы культурных революционеров покончить на этом основании с буржуазной культурой в целом, из осознания потенциала высокой культуры как инструмента проведения классовых границ делался оригинальный вывод о том, что к обладанию престижными культурными ресурсами должен быть приобщен весь советский народ, если понадобится — в принудительном порядке. Если все советские люди будут ходить в филармонию, то музыкальный вкус не сможет противопоставить интеллигенцию рабочему классу, зато позволит противопоставить советский народ в целом — как самый культурный народ в мире — народам, живущим под гнетом капитализма. «Буржуазная» идеология избранности, открывающейся через культурный вкус, была принята за чистую монету и превращена в целевой показатель. Степень всеобщей и равной приобщенности советского народа к высокой культуре стала предметом особой национальной (если это слово применимо к СССР) гордости. Именно задача оценки достижения этого показателя в особенности вдохновляла работы первых советских социологов культуры.

в которой делалась бы эксплицитная попытка проверить, насколько его тезис о гомологии приложим в России, хотя косвенно эти выводы, вероятно, можно сделать из лучшего мониторинга уровней культурной активности по Санкт-Петербургу (Илле 2000; Илле 2007; Илле 2008а; Илле 2008б; Илле 2010).

Цель этой статьи — попытка описания конфигурации пространства вкусов в максимально индуктивном, эмпирическом ключе. Тем самым мы хотели бы восполнить пробел в изучении культурного участия в России с точки зрения применимости различных теорий, а также понять, что новый тип данных может дать для заполнения пробелов, оставленных самими этими теориями.

Данные

Библиотечные системы города Санкт-Петербурга используют в своей работе ИРБИС 64 — систему для создания и ведения нескольких баз данных, которые позволяют, к примеру, вести учет зарегистрированных в библиотеке читателей и всех операций книговыдачи. Система ИРБИС предоставляет в распоряжение пользователя несколько «армов» — рабочих пространств, адаптированных под различные нужды библиотечных работников. В том числе, существует отдельный арм для внесения и обработки данных о читателях, а также фиксирования всей информации о книговыдаче. При регистрации нового читателя библиотекарь вносит информацию в соответствующее рабочее пространство и выдает читательский билет (в общей базе появляется новое ID, соответствующее зарегистрированному читателю). Систему электронных билетов начали вводить в библиотеках Петербурга с 2000-х гг., однако еще долгое время вносилось множество изменений в работу всей системы ИРБИСа. Только начиная с 2014 г. можно ожидать минимального количества ошибок в базе, т. к. был выработан общий шаблон работы всех библиотечных систем города. Кроме того, важно то, что в течение этого года все библиотеки были подключены к единой системе.

При помощи главного специалиста по автоматизированным системам управления ЦГПБ им. В.В. Маяковского К. Г. Линно* были извлечены данные из базы книговыдачи за 2014 г. (с 01.01.2014 до 31.12.2014), где единица наблюдения — одна зарегистрированная в момент выдачи книга. Было введено несколько ограничений: в итоговую базу были включены только те книги, которые зарегистрированы в «разделе знаний» (библиотечная кодировка) как художественная литература, также была исключена вся литература на иностранных языках. В том числе в итоговую базу данных была добавлена информация о читателях (только художественной литературы соответственно) из арма «Читатель». В первом варианте извлеченная база данных за 2014 г. включала сведения о читателях (ID**, пол, год рождения, образование и тип занятости),

* Которому авторы хотели бы, воспользовавшись случаем, выразить свою глубочайшую признательность.

** Был сделан выбор в пользу ID вместо номеров читательских билетов, т. к. у одного читателя в этой системе может быть несколько читательских билетов (по одному каждой библиотеке), но единый идентификационный номер. В итоговом варианте базы содержится 84003 уникальных идентификационных номеров.

а также содержала указание кода библиотеки определенного района города, где была выдана книга, и библиографическую ссылку на определенный тип издания. Для дальнейшей работы мы сократили библиографическую ссылку до автора (название произведения, издательство и т. д. были удалены). Для этого мы отрезали от библиографической ссылки все, что находилось после первой точки. Например, книга зарегистрированная в арме «Каталогизатор» как «Ремарк, Эрих Мария. Жизнь взаймы. Черный обелиск [Текст]: Романы: Пер.с нем / Э. М. Ремарк, 1993. — 575 с», превратилась в «Ремарк, Эрих Мария». В результате таких преобразований библиографические ссылки были приведены к одному виду, однако в то же время из базы были исключены, к примеру, сборники стихов, сказки, журналы, т. е. все издания, чьи библиографические ссылки отличаются от того, как оформляются книги одного автора. Если после предыдущей операции от библиографической ссылки не оставалось ничего, что позволяло бы идентифицировать книгу, она полностью удалялась. Потребовалось провести еще несколько преобразований. Основная проблема заключалась в том, что для всех библиотечных систем города не было разработано единого стандарта внесения в систему данных об издании. Поэтому после преобразований по удалению части текста библиографической ссылки было обнаружено, что база содержит несколько записей, представляющих собой вариации кодировки одного и то же имени. К примеру, Александр Пушкин был записан несколькими способами: Пушкин А.; Пушкин, Александр; Пушкин, Александр Сергеевич. Поэтому на третьем этапе работы с базой все повторы были исключены, и в итоговом варианте базы осталась уникальная запись «Пушкин А.» В результате таких преобразований число уникальных значений авторов зарегистрированных в 2014 г. изданий сократилось с 26965 до 18054.

В последующем анализе в этой статье мы использовали данные о числе читателей (всего о выборах 84 тысяч читателей петербургских библиотек), которые хотя бы однажды брали книгу какого-либо автора. Не проводилось различий между случаями, когда бралась только одна книга, и когда тот же читатель брал последовательно несколько книг, написанных одним автором, поскольку мы рассудили, что такие случаи статистически не вполне независимы. Мы анализируем далее аудитории 200 самых популярных авторов, которые были взяты от 8469 (книги Дарьи Донцовой) до 223 (книги Дэвида Лисса) читателей.

При регистрации читателя библиотекари ставили отметки о поле, возрасте, образовании (по схеме «нет образования», «среднее», «среднее специальное», «высшее») и занятости. В последнем случае иногда создавались записи, фиксирующие занятие, однако таких было всего около 13 % (что дает нам, однако, внушительные 104979 случаев, когда читатель, принадлежащий к какой-то профессиональной группе, брал какую-то книгу, — достаточно для категоризации и дальнейшего анализа). В остальных случаях использовалась категория занятости: «дошкольник», «школьник», «учащийся среднего специального» и «учащийся высшего учебного заведения», «рабочий», «служащий», «пенсионер» и «неработающий».

Данные о предпочтениях читателей библиотечных абонементов имеют очевидные ограничения, связанные с тем, что сами эти читатели не являются

представительной выборкой горожан, в том числе горожан, не мыслящих своей жизни без печатного слова. Книги могут покупаться или скачиваться. Библиотеки не посещают высокоресурсные группы и младшие возрастные когорты, которые энергичнее других пользуются Интернетом. В действительности, эти представления подтверждаются лишь отчасти. Пенсионеры действительно являются самой энергичной группой читателей, на которую приходится 112449 случаев взятия читателем одного из авторов нашего списка (из 293319 — 38,3 %). Второй группой, однако, являются служащие — 85444 случаев (29,1 %), на третьем месте — школьники (13,1 %). В этом смысле, хотя данные, вероятно, несколько скошены в пользу старшей возрастной группы и не могут использоваться для построения рейтингов популярности во всей генеральной совокупности, они имеют достаточно представителей разных категорий, чтобы анализ связей между характеристиками читателей и книг имел смысл.

Более серьезно подозрение, что наши случаи представляют экономически низкоресурсные группы. К счастью, на этот счет есть прекрасный источник данных — панельное исследование М.Е. Илле, в рамках которого вопросы, в том числе, о посещении библиотеки на протяжении последних 12 месяцев, задавались в течение 20 лет, с 1991 по 2011 г. В табл. 1 приведены данные за 2005–2011 гг.

При общем довольно низком уровне посещаемости (16,4 % опрошенных сообщили, что были в библиотеках за прошедшие 12 месяцев) мы видим, что посещение библиотек скорее повышается, чем понижается, с доходами. Во всяком случае, во второй половине 2000-х гг. электронные книги еще не повлияли на готовность ходить в библиотеки.

Обращает на себя внимание, что пенсионеры в этом опросе не являются основной категорией читателей, которой они предстают в статистике самих библиотек. Мы можем объяснить это тем, что студенты и служащие в основном ходят в другие библиотеки, не принадлежащие к городской библиотечной сети, — например, ведомственные или университетские. Разумеется, здесь вновь возникает вопрос репрезентативности — берут ли студенты, которые ходят в университетские библиотеки, в них те же художественные книги*, которые берут студенты, ходящие в районные библиотеки, или эти две категории читателей чем-то различаются? У нас нет, однако, никаких прямых данных, которые говорили бы в пользу этого предположения, и много косвенных, которые говорят против него**. Поэтому мы оговариваем существование альтернативных гипотез, но предполагаем, что вкусы студентов, ходящих в районную библиотеку, позволяют нам узнать что-то о вкусах студентов в целом.

* И берут ли они там вообще художественные книги, или только профессиональную литературу, которую невозможно скачать или купить, а художественную литературу получают иными путями?

** Чтобы понять, совпадают ли вкусы читателей библиотек и читателей электронных книг, мы сравнивали списки самых популярных книг в нашей библиотечной базе с числом скачиваний в крупнейших электронных библиотеках (например, http://bookz.ru/top100_authors.html), получая примерно 80–90 % совпадений в топ-100.

**Посещение библиотек за последние 12 месяцев в 2005–2011 годах,
по гендерным, образовательным, доходным категориям и категориям занятости**

	Были в библиотеке за последние 12 месяцев?		всего
	да	нет	
Пол			
Мужской	493 (12,8%)	3358 (87,2%)	3851 (100%)
Женский	980 (19,1%)	4145 (80,9%)	5125 (100%)
Всего	1473 (16,4 %)	7503 (83,6%)	8976 (100 %)
Образование			
Незаконченное среднее	8 (2,6%)	304 (97,4%)	312 (100%)
Среднее	449 (10,6%)	3793 (89,4%)	4242 (100%)
Высшее	1015 (23,1%)	3388 (76,9%)	4403 (100,0%)
Всего	1472 (16,4%)	7485 (83,6%)	8957 (100%)
Занятие			
Рабочие	55 (5,2%)	1008 (94,8%)	1063(100%)
Служащие без высшего образования	114 (14,0%)	698 (86,0%)	812 (100%)
Специалисты с высшим образованием	532 (25,5%)	1557 (74,5%)	2089 (100%)
Руководители и индивидуального бизнеса	41(14,4%)	244 (85,6%)	285 (100%)
Прочие работающие	90 (13,2%)	593 (86,8%)	683 (100%)
Студенты	303 (46,2%)	353 (53,8%)	656 (100%)
Пенсионеры	239 (9,4%)	2312 (90,6%)	2551 (100%)
Всего	1466 (16,4%)	7469 (83,6%)	8935(100%)
Доход			
Нет ответа	482 (18,4%)	2137 (81,6%)	2619 (100%)
Низший квантиль	169 (12,5%)	1181 (87,5%)	1350 (100%)
Второй квантиль	216 (14,0%)	1326 (86,0%)	1542 (100%)
Третий квантиль	219 (15,7%)	1174 (84,3%)	1393(100%)
Четвертый квантиль	185 (17,3%)	882 (82,7%)	1067 (100%)
Высший квантиль	203 (20,2%)	803 (79,8%)	1006 (100%)
Всего	1474 (16,4%)	7503 (83,6%)	8977 (100%)

Результаты: литературные предпочтения и социальные категории

В табл. 2 приведены данные о связи (корреляции Спирмена) между параметрами аудиторий 200 популярнейших авторов. Мы взяли:

- (1) долю мужчин среди читателей;
- (2) их средний возраст;

(3) долю людей со средним специальным образованием по сравнению с людьми с высшим образованием (поскольку среднее специальное образование ведет к получению рабочих профессий и поскольку образование в целом является лучшим коррелятом принадлежности к статусной культуре, эта мера может считаться самой конвенциональной оценкой «культурного уровня продукта» (Bryson 1996; Warde, Gayo-Cal 2009: 123*));

(4) долю рабочих по сравнению с долей «служащих» (традиционная советская классификация по признаку физический — нефизический труд);

(5) долю студентов;

(6) долю книг, взятых в центральной библиотечной сети им. В.В. Маяковского по сравнению с районными библиотеками.

Таблица 2

Связи между основными характеристиками аудиторий, непараметрические корреляции Спирмена (N = 200)

	Доля мужчин	Средний возраст	Высшее vs. среднее специальное	Рабочие vs. служащие	Доля студентов	«Маяков-ка» vs. районные
Доля мужчин	1,000	-,416**	,170*	,190**	,030	-,033
Средний возраст	-,416**	1,000	-,548**	,444**	-,483**	-,289**
Высшее vs. среднее специальное образование	,170*	-,548**	1,000	-,732**	,468**	,606**
Рабочие vs. служащие	,190**	,444**	-,732**	1,000	-,356**	-,470**
Доля студентов	,030	-,483**	,468**	-,356**	1,000	,645**
Библиотечная сеть им. В.В. Маяковского vs. районные	-,033	-,289**	,606**	-,470**	,645**	1,000

*p < 0.05; ** p < 0,01, *** p < 0,001

* Мы использовали неуклюже звучащую меру «доля получивших высшее образование среди получивших образование выше среднего в аудитории» (полученную как «число получивших высшее образование среди взявших книгу» / «число получивших высшее образование» + «число получивших среднее специальное»), а не просто «долю получивших высшее образование», поскольку среди читателей имелась высокая доля студентов (для которых было указано «среднее образование») и школьников и дошкольников (которым ставилось «нет образования»). Между тем студенты во многих отношениях были авангардом образованного слоя, и именно для людей с высшим образованием было характерно брать книги для детей — что парадоксальным образом сближало их с группой без образования вовсе.

Некоторые эффекты вполне ожидаемы. Доля мужчин связана с долей рабочих (неудивительно, поскольку мужчин больше среди занятых физическим трудом). Доля людей с высшим образованием среди получивших образование выше общего среднего тесно связана с долей служащих (подтверждая тем самым сказанное выше о роли среднего специального образования как трамплина для получения рабочих специальностей) и долей студентов (которые получают высшее образование прямо сейчас). Другие эффекты интереснее: например, мы видим, что разные аудитории встречаются нам в разных зонах в городском пространстве, и студенты, как и люди с высшим образованием, будут пользоваться центральной библиотекой имени В.В. Маяковского, а не районными. Это легко объясняется сочетанием пространственной локализации (заводы находятся на окраинах, университеты и офисы — в центре, где расположено большинство отделений «Маяковки») и богатства каталога (в центральной библиотечной сети есть книги, которых нет в районных)*.

Гораздо менее очевидны связи возраста: возраст связан с полом (мужчины шире представлены в аудиториях книг, популярных среди младших категорий), но также (отрицательно) с долей имеющих высшее образование. Иными словами, чем ниже средний возраст читателей книги, тем отчетливее доля имеющих высшее образование среди них превышает долю имеющих среднее специальное. Последнее может быть объяснено отчасти экспансией высшего образования в младших возрастных когортах, однако, как мы увидим далее, это лишь часть истории. Пока мы оставим эти наблюдения в качестве загадок, ожидающих разгадки.

Рис. 1 визуализирует отношения между переменными с помощью алгоритма многомерного шкалирования (PROXCAL). Мы вычисляли дистанции между объектами исходя из совпадения профилей аудиторий по гендерным, возрастным (возраст был разбит на возрастные категории) и образовательным признакам, а также по характеристикам занятости, к которым мы добавили частоты, с которыми книги брались в нескольких крупнейших районных библиотеках и сетях библиотек им. М.Ю. Лермонтова и им. В.В. Маяковского. Для вычисления дистанций использовалась хи-статистика для частотных распределений. На рис. 1 отображены первые два измерения трехмерного решения**. Мы объединили график для социальных категорий и для авторов, чтобы увидеть, среди каких категорий мы видим предпочтение в пользу тех или иных книг.

Первое измерение очевидно противопоставляет самые юные категории читателей — дошкольников и младших школьников — всем прочим. Второе

* Кроме того, несмотря на общий низкий уровень пространственной сегрегации в Петербурге, есть слабая, но значимая тенденция для интеллигенции селиться в центре (Илле 2008а: 48–53).

** Трехмерное решение имело нормализованный простой стресс в 0.238 — значительное улучшение по сравнению со стрессом в 0.326 для двумерного решения. Несмотря на это, само третье измерение (не показано на графике) осталось не вполне интерпретируемым. В какой-то форме, оно вновь противопоставляло сети библиотек им. В.В. Маяковского и им. М.Ю. Лермонтова периферийным районным (прежде всего, Калининского и Красногвардейского районов).

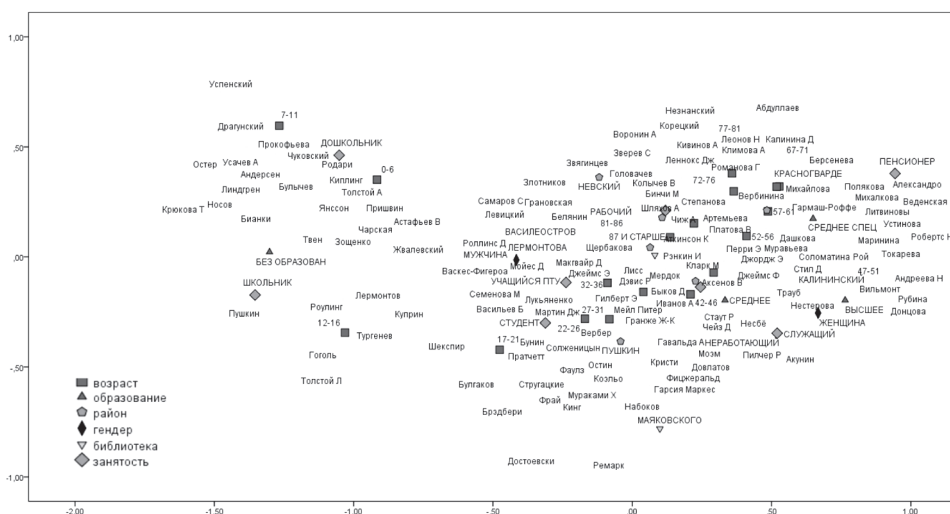

Рис. 1. Результаты многомерного шкалирования читательских выборов (PROXCAL)

измерение противопоставляет старших школьников, студентов и молодых взрослых всем прочим, но, одновременно, оно противопоставляет читателей библиотеки им. В.В. Маяковского читателям всех периферийных библиотек, прежде всего, библиотек промышленно-спального Невского района. Младшие школьники и пенсионеры, в других отношениях диаметрально противоположные группы, объединены тем, что они, в основном, являются читателями ближайших к дому библиотек, что справедливо и в отношении менее образованных групп взрослых — рабочих, занятых физическим трудом. И хотя первые берут домой Корнея Чуковского, вторые — Дарью Устинову, а третьи — Незнанского и Белянина, график схватывает эти различия.

В качестве следующего шага мы применили иерархический кластерный анализ (КА) для группировки случаев. Мы вновь использовали дистанции, основанные на хи-статистике для авторов, и применили алгоритм оптимизации межгрупповых связей для объединения групп. Мы рассматривали спектр решений от 4 до 20 и остановились на 8-кластерном решении, которое казалось оптимальным с точки зрения соотношения объяснения максимума вариации делением на минимум групп*. Табл. 3 перечисляет трех самым

* В реальности решение было 11-кластерным, однако три кластера состояли из одного-единственного автора (Д. Донцова, Е. Вильмонт, К. Чуковский), которых мы объединили с теми кластерами, от которых они откололись (ни в одном случае кластеры дальше не делились, так что проблем с идентификацией материнского кластера не было). Поскольку наше использование КА является в значительной мере иллюстративным, это решение выглядело оправданным. 11-кластерное решение соответствовало явной переломной точке в изменении дистанции между центрами объединяемых кластеров (от 1,661 к 0,244). Кроме того, мы рассматривали изменения в Эта-статистике переменных, вынесенных в табл. 1, как показатель

читаемых авторов каждой из групп и выводит средние характеристики их аудиторий.

Таблица 3

**Характеристики аудиторий авторов, входящих в кластеры
(средние и, ниже курсивом, стандартные отклонения)**

Три самых популярных автора и общее число авторов в кластере	Доля мужчин	Средний возраст	Высшее vs. среднее специальное	Рабочие vs. служащие	Доля студентов	«Маяковка» vs. районные
1. Абдуллаев, Бушков, Леонов, Незнанский, Колычев (17)	,5035	59,2353	,6432	,2853	,0093	,1090
	<i>,09558</i>	<i>2,68164</i>	<i>,06889</i>	<i>,08137</i>	<i>,00832</i>	<i>,08756</i>
2. Лукьяненко, Пикуль, Роллинс, Семенова, Белянин (8)	,5030	47,5000	,6385	,2493	,0256	,3517
	<i>,11967</i>	<i>2,50713</i>	<i>,08966</i>	<i>,08578</i>	<i>,01158</i>	<i>,25699</i>
3. Акунин, Рубина, Улицкая, Андреева, Веллер (69)	,1748	52,2754	,7813	,0926	,0487	,6130
	<i>,07529</i>	<i>5,22124</i>	<i>,04721</i>	<i>,03459</i>	<i>,04058</i>	<i>,28267</i>
4. Маринина, Робертс, Устинова, Литвиновы, Рой (63)	,1047	58,6349	,6449	,1408	,0113	,1417
	<i>,03381</i>	<i>1,92858</i>	<i>,06224</i>	<i>,04293</i>	<i>,00617</i>	<i>,10297</i>
5. Носов, Успенский, Линдгрэн, Крюкова, Зощенко (20)	,3585	18,2500	,7924	,0835	,0102	,1129
	<i>,06285</i>	<i>2,97135</i>	<i>,04686</i>	<i>,02596</i>	<i>,00959</i>	<i>,05772</i>
6. Пушкин, Толстой, Гоголь, Тургенев, Роулинг (10)	,3195	26,1000	,7762	,0901	,0493	,2305
	<i>,03588</i>	<i>3,07137</i>	<i>,02972</i>	<i>,03650</i>	<i>,02186</i>	<i>,06814</i>
7. Достоевский, Бредбери, Булгаков, Шекспир, Бунин (6)	,2445	34,3333	,7905	,0927	,1205	,6202
	<i>,02660</i>	<i>5,64506</i>	<i>,02801</i>	<i>,01286</i>	<i>,04720</i>	<i>,27175</i>
8. Ремарк, Стругацкие, Кинг, Солженицын, Мартин (7)	,2869	37,7143	,7743	,1169	,1181	1,0189
	<i>,05734</i>	<i>2,75162</i>	<i>,05361</i>	<i>,02753</i>	<i>,03323</i>	<i>,46979</i>
СРЕДНИЕ	,2254	48,9200	,7218	,1302	,0334	,3566
	<i>,14717</i>	<i>13,71364</i>	<i>,08824</i>	<i>,07366</i>	<i>,03925</i>	<i>,33094</i>

Прежде всего, при анализе необходимо обращать внимание на последнюю строку таблицы, в которой приведены средние значения по выборке. Мы ви-

качества решения, и именно 11-кластерное решение принесло последнее значимое улучшение. Напротив, сокращение с 11 до 8 кластеров не сократило Эта-коэффициенты в сколько-нибудь заметном объеме.

дим, что женщины — более активные читатели, чем мужчины (на мужчин приходится лишь 22,5 % случаев взятия книг одного из наших двухсот авторов — менее четверти), средний возраст читателя составляет 48,9 лет, из всех имеющих образование выше среднего на людей с высшим приходится 72,2 % наблюдений, и 35,7% случаев приходится на центральную библиотечную сеть им. В.В. Маяковского. Возраст заслуживает отдельного комментария: из разговоров с библиотекарями мы знаем, что обычной практикой является делегировать взятие книг в библиотеке для всего домохозяйства одному члену семьи (чаще всего, похоже, старшего возраста, поскольку у тех больше свободного времени и они дома во время работы районных библиотек — фактор, который, вероятно, объясняет завышенное число пенсионеров среди читателей). Эта практика сильно смазывает границы между группами, которые в реальности, понятно, глубже, чем на наших графиках. В особенности она завышает, как кажется, средний возраст читателей. Тем не менее, благодаря размеру выборки, различия проступают явно.

Первые два кластера очевидно похожи друг на друга в том смысле, что в них выше, чем во всей остальной выборке, доли мужчин со средним специальным образованием и рабочих. Они очевидно отличаются друг от друга возрастом и отчасти — образованием и пространственной локализацией — второй кластер младше и в нем несколько выше доля студентов (следствие общей экспансии высшего образования?) и читателей «Маяковки». В целом, однако, они кажутся двумя частями одной истории — Лукьяненко заменил Незнанского в качестве любимого чтения младших поколений городского рабочего класса. Третий и четвертый кластеры также похожи в демографическом смысле — в них преобладают женщины и они старше среднего читателя. Однако если раскол между первым и вторым кластерами проходит по линии возраста, то в этой группе он проходит по линии принадлежности к образованному сословию — Айрис Мердок в третьем кластере против Виктории Шиловой в четвертом. В третьем кластере выше, чем в среднем в генеральной совокупности, доля читателей с высшим образованием, посетителей «Маяковки» и студентов (несмотря на высокий средний возраст), ниже — рабочих, выпускников ПТУ и занятых физическим трудом. Четвертый занимает противоположное положение по отношению к третьему.

Пятый и шестой кластеры вновь похожи в демографическом смысле — читатели книг из этого кластера моложе среднего читателя, и в них больше мальчиков, чем девочек. Пятый кластер в чистом виде состоит из авторов книг для дошкольников и младших школьников, которые могут братья ими самими или их родителями. В этом смысле важно, что доля читателей с высшим образованием в этой категории оказывается высока по сравнению со средним специальным: книги для детей в среднем вообще значимо чаще берут взрослые с высшим образованием. Шестой кластер состоит из школьной программы по литературе для старших классов, к которой примыкает Джоан Роулинг. Среди аудиторий авторов этой группы немного читателей «Маяковки» и студентов (в шестом кластере чуть больше, чем в пятом).

И, наконец, седьмой и восьмой кластеры оказываются прямым продолжением траектории, намеченной предыдущими двумя — их читатели моложе

среднего (но старше, чем в предыдущих двух), с более высоким образованием, значительно более высокой долей студентов и читателей «Маяковки». Седьмой кластер сохраняет некоторые пересечения со школьной или университетской программой (Достоевский, Булгаков, Бунин, Шекспир), но к ней добавляются любимые авторы юношества (Кинг, Бредбери); восьмой кластер не напоминает уже о школе, но представляет собой интересное сочетание Э.М. Ремарка, А.И. Солженицына, Джорджа Мартина и Терри Прэтчетта.

Различия между статусными культурами, безусловно, присутствуют в этой истории. Шансы взять Юлию Шилову или Андрея Левицкого примерно в 2,47 раза выше у людей со средним специальным образованием, чем у людей с высшим; и наоборот, шансы взять Джона Фаулза или Туве Янссон у них в 3 раза ниже. Происходит ли это потому, что люди с высшим образованием сознательно исключают из своего читательского рациона Шилову (как это предполагает модель культурного снобизма), или потому, что люди со средним специальным образованием не читают ничего другого, в то время как люди с высшим читают и Шилову, и Фаулза, и берут для детей Янссон (модель всеядности?). Наши данные на этом этапе их обработки не позволяют заключить, что высшее образование понижает шансы (в абсолютном выражении) стать читателем Шиловой. Тем не менее, мы как будто не видим следов воинствующего снобизма среди более образованной группы — даже среди авторов наших кластеров 1, 2 и 4 читатели с высшим образованием составляют большинство — пусть даже и менее подавляющее, чем в других случаях. Однако если усложнить картину еще больше, сама группа с высшим образованием может быть стратифицирована и включать в себя более и менее снобистские сегменты.

Что мы можем заключить — это то, что контрасты между уровнями формального образования кажутся незначительными по сравнению с контрастами между гендерными или возрастными группами. Женщины с вероятностью более, чем в четыре раза превосходящей аналогичную для мужчин, возьмут Розамунду Пилчер (отношение шансов для мужчин и женщин 0.224), а мужчины с вероятностью в 8,6 раз большей возьмут Романа Злотникова. И даже несмотря на тенденцию брать книги для детей, средний возраст читателей Даниэллы Стил (63) и Эдуарда Тополя (62) в 4 раза старше среднего возраста читателей Эдуарда Успенского и Григория Остера (15). Если мы берем пространство вкусов в целом, то оппозиция между более или менее взыскательным чтением прослеживается лишь на фоне других, не менее важных оппозиций — оппозицией между поколениями и оппозицией между фазами стандартного биографического цикла с его гендерными вариациями. Далее мы попробуем суммировать свои наблюдения в виде истории, используя в качестве опорной конструкции размещение авторов не на условной плоскости, сконструированной алгоритмом, а в трехмерном пространстве, оси которого имели однозначную эмпирическую интерпретацию (средний возраст по вертикали, доля мужчин относительно женщин и доля высшего образования относительно среднего специального по горизонтали на рис. 2). Авторы обозначены значками, соответствующими нашим кластерам.

Чтение начинается для большинства людей с детских книг. Чтение детям вслух или забота о том, чтобы обеспечить их подходящими книжками, чаще

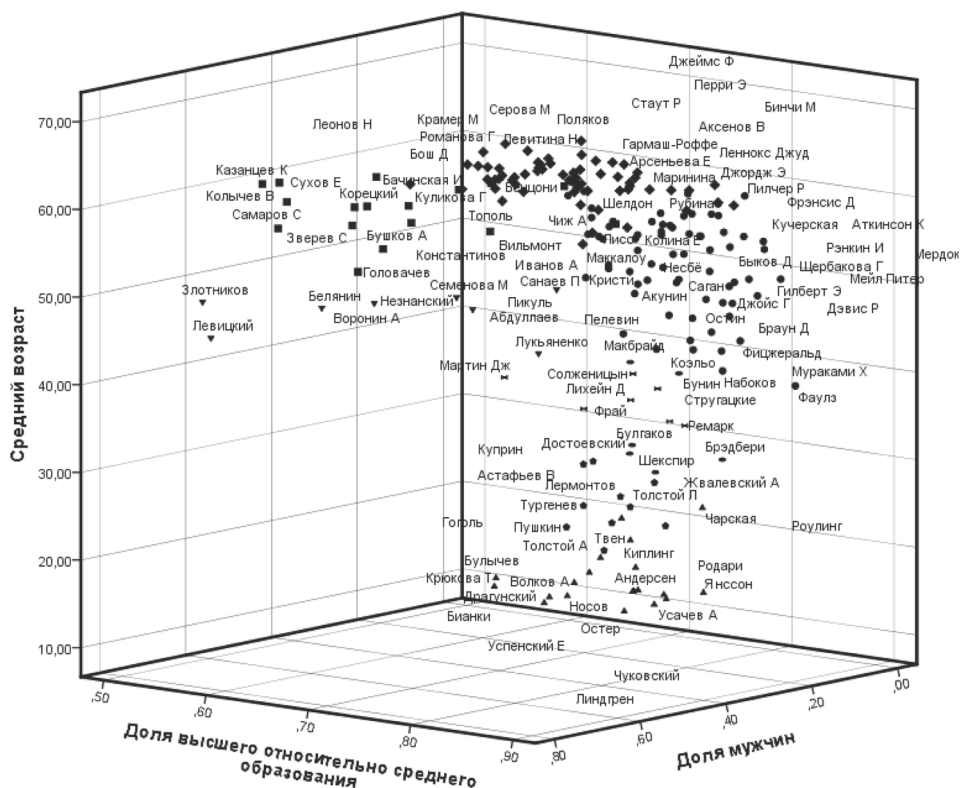

Рис. 2. Пространство художественных вкусов в связи с основными социальными категориями

Значки соответствуют кластерам: квадраты — первый, перевернутые треугольники — второй, кружки — третий, ромбы — четвертый, треугольники — пятый, пятиугольники — шестой, овалы — седьмой, бантики — восьмой.

встречается среди более образованной группы, причем различия будут проследиваться и в том, что за книги будут приноситься домой — менее образованные возьмут детям Бианки или Крюкову, более — Янссон, Родари или Киплинг (отметим оппозицию «российская-зарубежная литература», которая появится еще неоднократно). Следующей остановкой в культурной траектории (и, вероятно, первыми книгами, которые подросток возьмет для себя) будут авторы из школьного курса литературы; возможно, к ним добавятся Марк Твен или Джоан Роулинг. Дальше, на уровне последних классов средней школы, произойдет дивергенция: некоторые, в основном юноши, переключатся на русскоязычную фантастическую литературу, особенно специфически «мужских» поджанров (фантастический боевик), другие продолжают открывать для себя Шекспира, а развлекательная литература, которой они будут разбавлять классику, также окажется фантастикой, но, более вероятно, переводной (Кинг, Пратчетт или Мартин). Юноши, отправившиеся по направлению к Лукьяненко и, особенно, Белянину, имеют больше шансов получить среднее специальное образование

и присоединиться к старшему поколению рабочего класса, для которого роль Лукьяненко играли Корецкий и Незнанский. То, что старшие и младшие поколения похожей по многим признакам группы читателей предпочитают разные жанры, можно трактовать двояко — или как прогнозируемую эволюцию вкусов (нынешние поклонники Лукьяненко через некоторое время переключатся или на то, что многозначительно называется издателями «мужской детектив»), или как поколенческий сдвиг. Наша интерпретация заключается в том, что здесь преобладает второе — в младших поколениях фантастика вообще стала доминирующим жанром, заняв то место, которое детектив занимал в старших. Культурные среды внутри младшей группы сегментируют ее поджанры.

Те, чья траектория развивается дальше в сторону «культурного роста», приступают затем постепенно к чтению зарубежной классики XX в., от Ремарка к Фаулзу. Среди тех, кто выбирает для себя амплуа культурных людей, женщины отчетливо преобладают над мужчинами. В целом, если среди самых младших читателей мы обнаружим преобладание мальчиков над девочками, то уже в студенческие годы девушки выходят вперед по уровням читательской активности и сохраняют ее дольше. В преимущественно женских литературных вкусах также имеется точка дивергенции, однако она обозначается значительно менее выраженным разрывом — кластеры пять и шесть, фактически, соприкасаются друг с другом и перетекают один в другой. Тем не менее, есть явная оппозиция между двумя краями общего сгущения, на одном полюсе которого находятся Быков и Акунин, а на другом — произведения жанров, которые их издатели обозначают как «иронические детективы» или «женские психологические романы». Типичной читательницей Шиловой будет женщина, соответствующая по возрасту, образованию и месту жительства читателю Незнанского. Интересно, что явная гендерная окрашенность жанров прослеживается в правой, но не в левой части нашего рисунка — книги, преимущественно читаемые обладателями среднего специального образования, будут четко делиться на «мужские» и «женские», но это различие невозможно провести в культурном унисексе, который преобладает на другом образовательном полюсе.

Заключительные замечания

Как представленные в статье наблюдения соотносятся с дискуссиями о культурном потреблении, которые ведутся в социологии? Во-первых, мы видим, что, вопреки расхожему представлению о господстве унифицированной массовой культуры, читательские аудитории остаются глубоко сегментированными, причем уровень образования — традиционный коррелят принадлежности к статусной культуре — является важным измерением этой сегментации. Данные, использованные в этом анализе, не позволяют нам делать какие-то выводы о связи статусной культуры с классом, определенным на основании экономических шансов (Chan, Goldthorpe 2007a; Chan, Goldthorpe 2007b), но само воспроизводство этой культуры и сопутствующего деления авторов и их произведений на более или менее «качественные» или «высокие» кажется несомненным. В этом смысле, бурдьевистский «тезис о гомологии» кажется получающим ограниченное подтверждение. Мы не можем, однако, получить ответа на вопрос о том, появляется ли этот разрыв скорее в результате меньшего интереса менее образо-

ванной группы к «высокой культуре» или избегания более взыскательной группой культуры «низкой». С помощью тех аналитических стратегий, которые реализовались в этой статье, мы не можем сделать однозначных выводов о всеядности или «ограниченной толерантности» культурных элит, но на следующем шаге, благодаря использованию несколько других методов на этом материале (скажем, социально-сетевому анализу), это станет возможным*.

Во-вторых, в подтверждение необурдьевистского тезиса Хольта, статусная сегментация авторов и произведений проходит не по традиционным жанровым границам. Скажем, конвенционально определенная «фантастика» будет встречаться нам в нескольких кластерах, причем некоторые ее представители — как Брэдбери и Белянин — будут занимать полярные позиции. Мы смогли в полной мере оценить неадекватность широко распространенных мер, основанных на подсчете вкусов к жанрам, благодаря радикально индуктивному подходу, который обеспечивает использование больших данных.

В-третьих, хотя принадлежность к статусной культуре важна, она не единственный и даже не самый мощный признак, структурирующий чтение. Гендер, возраст и принадлежность к поколению оказывают сопоставимое, если не большее влияние. Так, чтение представителей одной среды, но разных поколений, отчетливо различается (фантастика вместо детективов). Отсутствие теории, объясняющей эти трансформации, кажется важной слабостью социологии культурного потребления сегодня. В других случаях мы наблюдаем интересные случаи интеракции со статусными культурами — как когда гендерная окраска отчетливо прослеживается в типичном чтении людей со средним специальным, но не с высшим образованием.

В-четвертых, недостаточно исследованной кажется карта биографических траекторий — карьеры знатока и ценителя высокой культуры — от чтения детских книг через школьную программу к точке принципиальной дивергенции между мужскими и женскими детективами — с одной стороны, и Фаулзом — с другой. Мы не можем, в частности, на синхронных данных отделить влияние возраста от влияния поколения (станут ли читатели фантастики читателями детективов?), но те, кто обратится к аналогичным данным несколько лет спустя, смогут узнать ответ на этот вопрос. Мы лишь можем обозначить возникающую здесь перспективу.

Литература

Духовный мир советского рабочего: Опыт конкретно-социологического исследования, под ред. М. Т. Иовчука, Л. Н. Когана. М.: Мысль, 1972.

Илле М.Е. Активность петербуржцев в потреблении художественной культуры, *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*, 2007, 2: 19–22.

Илле М.Е. Культурная жизнь Петербурга в период экономического кризиса, *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*, 2010, 1: 36–42.

* Будет ли в сети авторов, созданной на основании того, кто из них берется вместе с кем, Фаулз занимать промежуточное (betweenness) положение по отношению к авторам, предпочитаемым менее образованной публикой? Тезис о культурной всеядности, вообще говоря, предполагает именно это (см. похожие рассуждения в: Lizardo 2014).

Илле М.Е. *Петербургжцы в театрах, на концертах и выставках. Исследование художественной жизни Санкт-Петербурга конца XX — начала XXI века.* Санкт-Петербург: Норма, 2008а.

Илле М.Е. Петербуржцы и культурная жизнь города: десять лет наблюдений, *Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев*, 2000, 5: 18–19.

Илле М.Е. Петербуржцы и культурная жизнь города: динамика изменений — 1991-2007 гг., *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*, 2008, 1: 25–32.

Перов Ю.В. *Художественная жизнь общества как объект социологии искусства.* Ленинград: Издательство ЛГУ, 1980.

Соколов М.М. Рынки труда, стратификация и карьеры в советской социологии, *Экономическая социология*, 2011, 12(4): 37–72.

Театр и публика: Опыт социологического исследования 1960–1970-х годов, под ред. Дмитриевского В.Н. и др. М.: Государственный институт искусствознания, «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2013.

Aschaffenburg K., Maas I. Cultural and educational careers: The dynamics of social reproduction, *American Sociological Review*, 1997, 62(4): 573–587.

Atkinson W. The context and genesis of musical tastes: Omnivorousness debunked, Bourdieu buttressed, *Poetics*, 2011, 39(3): 169–186.

Bourdieu P. *Distinction: The Social Critique of the Judgment of Taste.* London: Routledge, 1984.

Bryson B. “Anything but heavy metal”: Symbolic exclusion and musical dislikes, *American Sociological Review*, 1996, 61(5): 884–899.

Chan T.W., Goldthorpe J.H. Class and status: The conceptual distinction and its empirical relevance, *American Sociological Review*, 2007a, 72(4): 512–532.

Chan T.W., Goldthorpe J.H. Social stratification and cultural consumption: Music in England, *European Sociological Review*, 2007b, 23(1): 1–19.

Dimaggio P., Mohr J. Cultural Capital, Educational Attainment, and Marital Selection, *American Journal of Sociology*, 1985, 90(6): 1231–1261.

Dimaggio P., Useem M. The Origins and Consequences of Class Differences in Exposure to the Arts in America, *Theory and Society*, 1978, 5(2): 141–161.

Holt D.B. Distinction in America? Recovering Bourdieu’s theory of tastes from its critics, *Poetics*, 1997, 25(2-3): 93–120.

Holt D.B. Does cultural capital structure American consumption?, *Journal of Consumer Research*, 1998, 25(1): 1–25.

Jarness V. Modes of consumption: From ‘what’ to ‘how’ in cultural stratification research, *Poetics*, 2015, 53: 65–79.

Katz-Gerro T. Cross-National Cultural Consumption Research: Inspirations and Disillusions, *Koelner Zeitschrift fuer Soziologie und Sozialpsychologie*, 2011, 63: 339–360.

Kitchin R. Big Data, New Epistemologies and Paradigm Shifts, *Big Data & Society*, 2014, 1(1): 1–12.

Lizardo O. Omnivorousness as the bridging of cultural holes: A measurement strategy, *Theory and Society*, 2014, 43(3–4): 395–419.

Lizardo O., Skiles S. Reconceptualizing and Theorizing “Omnivorousness”: Genetic and Relational Mechanisms, *Sociological Theory*, 2012, 30(4): 263–282.

Lopez-Sintas J., Katz-Gerro T. From exclusive to inclusive elitists and further: Twenty years of omnivorousness and cultural diversity in arts participation in the USA, *Poetics*, 2005, 33(5–6): 299–319.

MacDonald D. A Theory of Mass Culture, *Diogenes*, 1953, 3: 1–17.

Manovich L. Trending: The Promises and the Challenges of Big Social Data, in: Gold M.K. (ed.) *Debates in the Digital Humanities*, 2011: 460–475.

McCoy C. A., Scarborough R. C. Watching “bad” television: Ironic consumption, camp, and guilty pleasures, *Poetics*, 2014, 47: 41–59.

Peterson R. A. Problems in comparative research: The example of omnivorousness, *Poetics*, 2005, 33(5–6): 257–282.

Peterson R. A. Understanding audience segmentation. From elite to mass and from snob to omnivore, *Poetics*, 1992, 21(4): 243–258.

Peterson R.A., Kern R.M. Changing highbrow taste: From snob to omnivore, *American Sociological Review*, 1996, 61(5): 900–907.

Rimmer M. Beyond Omnivores and Univores: The Promise of a Concept of Musical Habitus, *Cultural Sociology*, 2012, 6(3): 299–318.

Roose H., van Eijck K., Lievens J. Culture of distinction or culture of openness? Using a social space approach to analyze the social structuring of lifestyles, *Poetics*, 2012, 40(6): 491–513.

Savage M., Gayo M. Unravelling the omnivore: A field analysis of contemporary musical taste in the United Kingdom, *Poetics*, 2011, 39(5): 337–357.

van Eijck K. Social differentiation in musical taste patterns, *Social Forces*, 2001, 79(3): 1163–1185.

Warde A., Gayo-Cal M. The anatomy of cultural omnivorousness: The case of the United Kingdom, *Poetics*, 2009, 37(2): 119–145.